

УДК 347.71

ПРИТВОРНЫЕ СДЕЛКИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Федорук Д.А.¹

магистрант,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Белгород, Россия

Аннотация.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с выявлением и правовой оценкой притворных сделок в предпринимательской деятельности. Особое внимание уделяется анализу положений статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также проблемам их практического применения. Отмечается, что формально закрепленная модель квалификации притворных сделок не всегда позволяет однозначно определить содержание прикрываемого правоотношения, что приводит к вариативности судебных решений. На основе анализа доктринальных подходов и судебной практики обосновывается вывод о том, что последствия притворности в ряде случаев формируются с учетом необходимости восстановления нарушенного имущественного положения, а не только через механизм переквалификации сделки.

Ключевые слова: гражданское право, предпринимательское право, договор, притворная сделка, мнимая сделка, недействительная сделка, правовое последствие.

¹ *Научный руководитель - Синенко В.С., доцент кафедры трудового и предпринимательского права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия*
Sinenko V.S. associate professor of the department of labor and business law, Belgorod state national research university, Belgorod, Russia

***SHAM TRANSACTIONS IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITY:
IDENTIFICATION AND LEGAL CONSEQUENCES***

Fedoruk D.A.

master's student,

Belgorod state national research university,

Belgorod, Russia

Abstract. The article discusses issues related to the identification and legal assessment of sham transactions in entrepreneurial activity. Particular attention is paid to the analysis of the provisions of Article 170 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to the problems of their practical application. It is noted that the formally fixed model of qualification of sham transactions does not always allow to unambiguously determine the content of the covered legal relationship, which leads to the variability of court decisions. Based on the analysis of doctrinal approaches and judicial practice, the author substantiates the conclusion that the consequences of sham in a number of cases are formed taking into account the need to restore the violated property status, and not only through the mechanism of reclassification of the transaction.

Keywords: civil law, business law, contract, sham transaction, imaginary transaction, invalid transaction, legal consequence.

В последние годы все большую актуальность для предпринимательской деятельности в Российской Федерации приобретают вопросы, связанные с правовой квалификацией притворных сделок. Данное обстоятельство связано с тем, что сегодня происходит процесс активной трансформации хозяйственного оборота, в рамках которого широкое распространение получила практика использования сложных договорных конструкций. Внешне такие конструкции зачастую выглядят безупречно, однако их фактическое содержание может существенным образом отличаться от заявленного.

Действующее гражданское законодательство Российской Федерации закрепляет правило, которое используется в рамках оценки подобных ситуаций. Так, пункт 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит в себе указание на то, что под притворной следует понимать сделку, «которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях» [1]. Здесь же определяется, что такие сделки во всех без исключения случаях должны признаваться ничтожными. Помимо этого, «к сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила».

Уже исходя из представленного выше положения можно сделать вывод, что в центре правовой оценки находится не формальный текст договора, а реальное волеизъявление каждого из участников сделки.

Обозначенное правило на практике приобретает ключевое значение для предпринимательской деятельности. Закрепленный в статье 421 ГК РФ принцип свободы договора не обладает абсолютным характером. Так, использование договорной формы в целях, которые вступают в прямое противоречие с нормами действующего законодательства или преследуют цель в виде обхода обязательных предписаний, неизбежно влечет за собой наступление определенных правовых последствий.

С.В. Михайлов отмечает, что одной из наиболее сложных задач, связанных с выявлением притворных сделок, является их отграничение от мнимых сделок, которые, исходя из пункта 1 статьи 170 ГК РФ, по умолчанию признаются ничтожными в силу того, что у сторон отсутствует намерение на создание соответствующих правовых последствий. В этой связи, автором выделяется совокупность следующих признаков, характеризующих специфику притворных сделок, которые используются в предпринимательской деятельности:

- прописанные в тексте договора обязательства отличаются от тех, что исполняются в реальности;

- стороны преследуют намерение в виде изменения цены сделки или иных условий, которые были прописаны в тексте договора;

- неоднократное заключение аналогичных сделок с участием одинакового состава субъектов;

- каждая из сторон сделки осведомлена о том, что она обладает притворным характером [4, с. 98].

А.А. Прозорова выделяет иные отличительные признаки, среди которых:

- нарушение формы заключаемой сделки;

- противоречие содержания сделки нормам действующего законодательства, посредством которых она регулируется;

- наличие противоречий между волеизъявлением и реальной волей сторон;

- формирование воли сторон в ненормальных условиях;

- отсутствие у сторон сделки необходимой право- или дееспособности [5, с. 259].

Обобщая позиции авторов, представляется возможным сделать вывод, что ключевое отличие притворных и мнимых сделок все же заключается в том, что первые предполагают наличие цели в виде возникновения определенных правовых последствий, отличающихся от тех, что прописаны в тексте самого договора, тогда как во вторых такое намерение отсутствует по определению. Учет иных признаков, в ряде случаев, может лишь косвенно свидетельствовать о факте мнимости или притворности.

Рассматривая вопрос о выявлении притворных сделок, также следует оговориться о том, какое место они занимают в системе недействительных сделок, так как данный аспект по-прежнему вызывает множество дискуссий среди отечественных ученых и юристов.

Действующее законодательство не предлагает какой-либо внутренней систематизации соответствующих составов, в результате чего квалификация конкретной сделки в доктрине по-прежнему оценивается неоднозначно, что отражается и на подходах к толкованию соответствующих норм судами. В

частности, в науке высказываются различные позиции относительно того, следует ли относить притворные сделки к числу сделок с пороком воли либо рассматривать их как сделки с дефектом содержания [3, с. 474].

Примечательным является то, что в судебной практике, как правило, исходит из первой позиции, так как в судебных решениях указывается на несовпадение действительной воли сторон и ее внешнего выражения, когда совершаемое волеизъявление направлено на прикрытие иных правоотношений. Подобная неопределенность напрямую влияет на выбор правовых последствий, что сказывается на устойчивости гражданского оборота.

Показательным в данном контексте является дело, рассмотренное Люберецким городским судом Московской области, связанное с отчуждением квартиры под видом займа. Так, судом было установлено, что вся цепочка договоров (от займа до купли-продажи), изначально использовалась лишь как способ завладения имуществом. При этом реальные расчеты между сторонами отсутствовали. В такой ситуации говорить о наличии полноценной «прикрываемой» сделки оказалось затруднительно, и суд фактически вышел за рамки формальной конструкции. Так, помимо признания сделок недействительными, были применены нормы о возмещении вреда и истребовании имущества [2].

Подобные примеры показывают, что на практике последствия притворности нередко формируются не через простую переквалификацию, а исходя из задачи восстановления нарушенного положения, что усиливает зависимость результата от судебного усмотрения.

Перечисленные обстоятельства обладают значением не только для квалификации притворных сделок, но и для определения правовых последствий ее совершения. Именно от того, рассматривается ли сделка как притворная в смысле пункта 2 статьи 170 ГК РФ и удастся ли установить содержание прикрываемого правоотношения, зависит дальнейший выбор механизма защиты нарушенного права.

Переходя к последствиям притворных сделок, нельзя не отметить, что на уровне закона соответствующая конструкция выглядит достаточно простой. Пункт 2 статьи 170 ГК РФ прямо указывает на ничтожность притворной сделки и необходимость применения правил той сделки, которую стороны в действительности имели в виду.

В совокупности с положениями статьи 167 ГК РФ это формирует, на первый взгляд, логичную модель. Так, установление притворности должно повлечь за собой возврат сторон в первоначальное положение либо применение норм, посредством которых регулируется «скрытое» правоотношение. Однако данная схема далеко не всегда работает без отклонений. Особенно это проявляется в предпринимательской деятельности, где сделки зачастую характеризуются сложным характером и не сводятся к очевидной правовой конструкции.

Наиболее ощутимая проблема возникает в тех случаях, когда так называемая прикрываемая сделка либо не поддается точному установлению, либо в принципе не может быть воспроизведена как самостоятельная правовая модель.

В подобных ситуациях суд оказывается в положении, когда формальное следование статье 170 ГК РФ не дает ответа на вопрос о том, какие именно последствия должны наступить. На практике это приводит к тому, что решения выстраиваются не столько через «переквалификацию», сколько через подбор правовых инструментов, например, в виде истребования имущества, что подтверждается ранее приведенным примером из судебной практики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что притворная сделка в предпринимательской деятельности не может рассматриваться исключительно через призму конструкции, закрепленной в пункте 2 статьи 170 ГК РФ, так как в ряде случаев она утрачивает свое двойственное содержание, фактически превращаясь в инструмент неправомерного перераспределения имущественных благ без наличия самостоятельного скрытого правоотношения.

В подобных ситуациях применение классической модели переквалификации оказывается затруднительным, что объективно смещает акцент с выявления прикрываемой сделки на восстановление нарушенного имущественного положения.

Это, в свою очередь, позволяет говорить о формировании в правоприменительной практике особого подхода, при котором последствия притворности определяются не только через буквальное толкование статьи 170 ГК РФ, но и через комплексное использование иных гражданско-правовых механизмов, включая виндикацию и возмещение вреда.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Решение Люберецкого городского суда (Московская область) № 2-8309/2025 2-8309/2025~М-5276/2025 М-5276/2025 от 30 ноября 2025 г. по делу № 2-8309/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Wt4JdW7bkMZK/> (дата обращения: 20.04.2026).
3. Капанин, А.Е. Проблема квалификации притворных сделок как сделок с пороком воли в системе российского законодательства / А.Е. Капанин // Аллея науки. – 2021. – Т. 2. – № 1 (52). – С. 473-475.
4. Михайлов, С.В. К вопросу о соотношении мнимых и притворных сделок с категорией «обход закона» / С.В. Михайлов // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2025. – № 3 (60). – С. 96-101.
5. Прозорова, А.А. Недействительность притворных сделок в российском гражданском праве / А.А. Прозорова // Молодой ученый. – 2024. – № 47 (546). – С. 258-263.